

А. ГОРНФЕЛЬД

Странички лирики

<...> Я читаю Александра Блока и вновь, в который уже раз, стараюсь объяснить себе, почему мне так мало нравятся поэты нашей «новой школы». «Нравятся» — конечно, не настоящее слово: они мне необыкновенно мало дают, они мне не нужны. Почему? У меня нет *parti pris*¹, я, в общем, отношусь к ним с благожелательным любопытством; их теории иногда неприятно поражают меня бедностью теоретической мысли и банальностью, но никогда не кажутся еретическим новшеством. Из нападков, которыми их осыпали, мне казались уместными и действительными только веселые пародии; серьезные доводы шли мимо них, ибо предназначались не для них; в общем, полемика против поэтов и теоретиков нового искусства могла только удивить непониманием их точки зрения и грубой несправедливостью. «*Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen*»² — это ведь должно быть сказано не только о географической стране, но и обо всей духовной сфере поэта: и в эту сферу не заходили критики, органически неспособные выйти из своей. Но и эта несправедливость не могла сблизить меня с ее жертвами. Не решусь назвать их бездарными; однако не могу признать, что душа моя закрылась для новых завоеваний в области лирической поэзии. Я охотно отвлекаюсь от тех произведений, где поэты, по должности новаторов, скучно манерничают и вспышками выдумки симулируют священный огонь; я не возмущаюсь их «дерзновениями», ибо не вижу здесь творчества. Я поражаюсь зияющей силой и выразительностью тех больших поэтов, пред которыми преклоняются они; но я не могу вести Брюсова и Блока от Тютчева и Верлена: те захватывают, а эти даже не царапают. И совсем не потому, что они малень-

кие — вот Бунин тоже маленький, но у него есть что-то мое, мне нужное и интересное³. То, что они не «идейные» поэты, меня не огорчает — хотя бы уж потому, что их безыдейность — один из многих предрассудков. Они очень идейны, они тенденциозны, — настоящие радикалы навыворот. В сравнении с ними Бунин — парнасец.

<...>

Есть какая-то безнадежная, непримиримая двойственность в впечатлении, которое я выношу из «Нечаянной Радости» Блока. В замысле мне многое здесь близко, в исполнении немного, до такой степени немного, что оно кажется мне страшно холодным, застывшим в своей судороге. Чувствуешь известную глубину искания, но не переживаешь ее вместе с поэтом — и только удивляешься, как его самого, чуткого и думающего, могут хоть в малой степени удовлетворить столь неполные воплощения его мечты.

В усердных поисках все кажется: вот-вот
 Приемлет тайна лик знакомый,
 Но сердца бедного кончается полет
 Одной бессильною истомой.

А ведь есть нечто, раздражающее еще более, чем бессильная истома бедного сердца: намеренные загадочности там, где их не ждешь, — и, быть может, именно за тем подогнанные, что их не ждешь. Увлékательна «Осенняя воля» Блока с ее страстной и порывистой тоской.

Вот оно, мое веселье пляшет
 И звенит, звенит, в кустах пропав!
 И вдали, вдали призывно машет
 Твой узорный, твой цветной рукав.

И вдруг в следующей строфе:

Кто взманил меня на путь знакомый,
 Усмехнулся мне в <окно> тюрьмы?
 Или — каменным путем влекомый
 Нищий, распеваящий псалмы?

Какой нищий? Какие псалмы? Не понимаю — и не хочу приоткрываться понявшим и не приемлю поэзии, требующей комментариев. Если самому поэту ясно не больше того, что он смог сказать своими ребусами, то это та «бессильная истома», при которой настоящий мыслитель — творец прозрений в бездну хаоса — молчит и ждет: его замыслы зреют в тиши его мысли.

Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи⁴.

Но он не только безучастно любит ими: временами он переполнен ими; он проверяет себя, испытывает их зрелость — и не рождает недоносков.

Не хочу притворяться понявшим: мне кажется, в этом все дело. Ясность есть закон искусства: не внешняя ясность произведения, ибо она условна, но внутренняя ясность творческой мысли. Я должен верить создающему — тогда я пойду за ним в самые темные закоулки его создания, я напрягу всю мою мысль, чтобы воссоздать себе его намерения; я приму мир, им сотворенный, хотя бы этот мир противоречил не только моим пяти чувствам, но и моей логике. Но у меня нет этой веры там, где я ясно вижу только желание темноты, своего рода поэтическое «мракобесие». В этой тьме скрывается слабость.

Кто это сказал в стихах: «На небе солнце зазвучало»? *Бесмысленно, но хорошо*. Это великолепное замечание принадлежит Ипполиту Достоевского⁵. Да, в поэзии бывает «бесмысленно, но хорошо», но едва ли хорошо то, что только бессмысленно. Это не пародия на теории символистского искусства. Не его ли теоретику принадлежит изречение: «Достаточно все затемнить, чтобы все сделать поэтическим, или уничтожить идеи, чтобы иметь символы». Напрасны были возражения, что это недоразумение, что поэзии без символов нет, что никакая определенность и ясность не мешают истинно поэтическому произведению иметь многообразное, текучее, свободное значение. Для того чтобы образ был многозначителен, суггестивен, он не нуждается в туманности. А новый поэт хочет быть туманным. Он строит свое произведение на надежде, что его читатель притворится, хоть для себя, понявшим, что услужливая мысль постарается хоть механически связать неясные образы с своими настроениями, вложить в загадочные слова какое-нибудь — тоже смутное — содержание. Эта смутность есть свидетельство о бедности; точнее, оно есть свидетельство о прозаичности коротенькой мысли, лишенной ясной сложности поэтического зрения на мир.

Мне кажется, я знаю, почему мне так часто чужды Блок и Брюсов и другие, им близкие, не говоря уже о макароническом Вячеславе Иванове. Это — *gelehrte Poesie*⁶, равно ледяная в напевах эротических и политических. Уж если выбирать в среде наших *poètes maudits*⁷, то этим умникам я предпочту Фе-

дора Сологуба, ушибленного, но иногда стихийно поэтического в своих диких видениях. Пусть призраки, но он их видел, а не выдумал. Я жадно смотрю в жизнь и от поэта жду, чтобы он мне показал ее так, как он ее видит, как видит ее только поэт: одновременно в ее конкретной случайности и ее отвлеченной закономерности. Искусство есть непосредственное мышление при посредстве образов. Вот этого поэтического мироотношения я не чувствую у большинства поэтов нового направления. Среди них есть образованные и умные, но «пагубен сей избыток добродетели»: они рационалисты, они прозаики. Поскребите декадента и вы найдете александрийца. <...>

